

возблагодаривъ Щепкина, гостепріимно пріютившаго подъ своимъ кровомъ бѣдную его семью, вспоминалъ, что въ домѣ артиста находили себѣ пріютъ безпрестанно новыя лица и жили у него, сколько хотѣли: кто мѣсяцъ, а кто и годъ, и „едва ли кому-нибудь изъ нихъ удалось поблагодарить гостепріимнаго хозяина и благотворительнаго человѣка. Михаилъ Семеновичъ не выслушивалъ благодарности“. Недаромъ авторъ одной изъ статей о Щепкинѣ называетъ его квартиру „домашней богадѣльней“.

Старики и старухи, лишенные крова и помощи и нашедшіе себѣ пристанище у Щепкина, сразу были поставлены въ домѣ на положеніи близкихъ родныхъ, своихъ людей.

И всѣ такъ и смотрѣли на этихъ обитателей дома. Относились къ нимъ съ такимъ почтеніемъ и вниманіемъ, какъ къ ближней роднѣ хозяина.

Такому обращенію съ чужими, какъ со своими, много способствовало то обстоятельство, что Щепкинъ былъ счастливъ въ своей семейной жизни. Жена его, очень простая и милая женщина, обладала кроткимъ, мирнымъ, уживчивымъ характеромъ.

Скажетъ ей Михаилъ Семеновичъ про какую-нибудь старушку:

— А знаешь ты? Бабушка-то эта вѣдь совсѣмъ несчастная, одинока. Я, знаешь, просилъ ее: пусть тамъ, пока что, ко мнѣ переѣдетъ на житье.

Слово Щепкина—законъ въ домѣ. Сказано, и старуха водворяется, а добрая хозяйшкa ласково и заботливо принимается хлопотать, какъ бы устроить ее получше.